

Иэири Сёко без лишних церемоний принялась распаковывать подарки прямо на глазах у всей компании.

Первыми под руку попались коробки от Мэй-Мэй и Иори Утахимэ, которые первыми успели поздравить её. Старшеклассницы преподнесли заколку для волос и изящное ожерелье. Обе вещицы отлично подходили к стилю Сёко: хоть она и редко баловала себя украшениями в будни, подарки пришлись ей по душе.

Затем очередь дошла до свертков от Годжо Хары и Гэто Сугуру. Обнаружив внутри набор уходовой косметики и вибромассажер для глаз, Сёко с улыбкой поблагодарила дарителей.

Под выжидающим, так и лучащимся нетерпением взглядом Сатору рука Сёко на мгновение дрогнула, но она всё же потянулась к его коробке — весьма внушительной по размеру — и принялась срывать обертку.

Открыв крышку, именинница уставилась на содержимое и молча оцепенела. В коробке лежал профессиональный набор ножей.

Ну кто, скажите на милость, дарит девушке на день рождения кухонные ножи?

Сатору же самодовольно ухмыльнулся:

— Ты ведь у нас любишь анатомические вскрытия, верно? Так вот, этот инструмент идеально тебе послужит! Будешь кромсать и потрошить этих гнилых мандаринов из верхушки, любого посмтреть!

Сугуру вытянул шею, заглянул в открытый футляр и покатился со смеху:

— Ха-ха-ха! Ну ты даёшь, Сатору! Если уж приспичило дарить клинки, купил бы хирургические скальпели! На кой чёрт Сёко поварские тесаки? Она же готовить не собирается!

Сатору вытаращил глаза и возмущенно заспорил:

— Да я специально у продавца пытался! Он сам мне этот набор посоветовал, зуб даю!

Хара с сомнением оглядел разложенный арсенал: тяжелый топорик для рубки костей, широкий нож для мяса, изогнутый обвалочный... Полный фарш. Таким набором сподручнее расчленять трупы в подворотне, а не заниматься деликатной судебной-медицинской экспертизой. Для тонкой анатомической работы эти монстры явно не подходили.

— Сатору, — мягко поинтересовался Хара, — а как именно ты сформулировал свой вопрос продавцу?

— Ну как... Спросил, какими ножами лучше всего пластать мясо и рубить кости в щепки.

Для Сатору-то всё было логично: препарировать гнилых мандаринов из совета магов — это ведь и значит резать их плоть и крушить кости. Тайна раскрылась. Несчастный консультант в магазине, должно быть, решил, что парень выбирает инвентарь для мясной лавки, и знать не знал, что эти тесаки станут подарком для юного врача-шамана.

Сёко со вздохом захлопнула коробку. Уголок её губы нервно дернулся. Рядом уже вовсю заливалась смехом Утахимэ, даже не пытаясь скрыть своего злорадства. Сёко почувствовала, что её авторитет только что жестоко пострадал за компанию с дарителем.

Вступаться за брата и с честным лицом доказывать, будто поварские топоры — лучший подарок для патологоанатома, сейчас не взялся бы даже Хара. Он лишь молча запустил руку в карман брюк и вслепую набрал сообщение своим людям, велел срочно раздобыть профессиональный набор хирургических инструментов японского производства и доставить его прямо в колледж. Ошибки младшего близнеца всегда приходилось исправлять старшему — это уже вошло в привычку.

Впрочем, сам Сатору, осознав свой промах, даже не подумал смутиться. Его жизненное кредо было простым: если тебе самому не стыдно, стыдно будет кому-то другому.

— Ой, да ладно вам! — отмахнулся он с самым невозмутимым видом. — Какая разница? И то, и другое — железяки. Для Гнилых мандаринов деликатный подход не требуется. Подумаешь, мясо покромсать да кости перебить, пусть помучаются напоследок. Скажи спасибо, что я тебе вообще тесак для забоя скота не притащил!

Сёко, слушая его кровожадные разглагольствования, поймала себя на мысли, что идея покромсать старейшин кухонным топором начинает казаться ей заманчивой. Пока безумие Сатору не заразило и её, она поспешила перевести разговор:

— Так, шутки в сторону. Пойдёмте лучше в ресторан, стол уже забронирован.

Мэй-Мэй и Утахимэ ещё неделю назад предупредили её, что хотят устроить праздник, поэтому Сёко заранее выбрала уютное местечко. Ну а раз уж собирался девичник, грех было не позвать и троих одноклассников. Собственно, вся компания ждала парней только потому, что те до позднего вечера застряли на очередной миссии по зачистке проклятий. И вот теперь, наконец воссоединившись, они могли спокойно отправиться на ужин.

Сатору первым подскочил к столу и сгреб в охапку коробку со сладостями:

— Отлично! Торт едет с нами!

В его личной системе координат поход в ресторан, празднование дня рождения и пожирание

огромного торта были абсолютно тождественными понятиями.

По пути к воротам весёлая шестерка нос к носу столкнулась с Ягой Масамити. Увидев, что его подопечные в полном составе наладились куда-то уходить, классный руководитель нахмурился:

— Вы это куда собрались на ночь глядя?

— У меня сегодня день рождения, Яга-сенсей, — шаг на выпуск сделала Сёко. — Ребята решили устроить праздничный ужин. Присоединяйтесь к нам, если свободны.

Классный руководитель на секунду замялся. Из головы напрочь вылетело, что у его единственной ученицы сегодня праздник. От совместного застолья он деликатно отказался, лишь сдержанно кивнул и напутствовал:

— Поздравляю, Сёко. Постарайтесь только не задерживаться допоздна.

Проводив взглядом уходящих подростков, Яга поспешил обратно в свой кабинет. Он достал коробку с шерстью и иглами для валяния. Мужчина решил лично смастерить для Сёко особый подарок — боевую проклятую марионетку. Девушка обладала редчайшим даром исцеления и по правилам магов должна была безвылазно сидеть под защитой барьеров колледжа. Однако Сёко отчаянно тяготилась участью «золотой птицы в клетке» и, чтобы отвоёвывать право на свободу передвижения, изнуряла себя тренировками по рукопашному бою. Куратор видел её упорство. Маленький пушистый защитник, способный дать отпор проклятиям и прикрыть свою хозяйку в случае опасности, пришёлся бы как нельзя кстати.

Отдельный кабинет, который арендовала Сёко, оказался просторным и уютным. Когда первая волна голода улеглась, на середину стола водрузили праздничный торт. Зажжённые свечи весело потрескивали, отражаясь в бокалах, однако приниматься за сладкое никто не спешил.

Даже Сатору, главный сладкоежка их компании, уныло взирал на кремовое великолепие: заботливый Хара во время ужина так усердно подкладывал брату лучшие кусочки, что в желудке Сатору попросту не осталось свободного места.

К счастью, молодой организм быстро справился с перееданием. Спустя полчаса Сатору почувствовал, что готов к десерту, и с воодушевлением вонзил лопатку в нежный бисквит.

Этого момента он ждал с особым трепетом. Раньше ему доводилось праздновать лишь их с братом дни рождения в замкнутом кругу семьи. Теперь же, впервые оказавшись среди сверстников и обретя настоящих друзей, он с детским восторгом пробовал чужой именинный пирог.

— Эй, — прошамкал Сатору с набитым ртом, отправляя в рот очередную ложку нежного крема.
— Седьмого декабря у нас с Харой дняха. Попробуйте только забыть!

Присутствующие дружно притихли. Вообще-то, у большинства так и чесались руки проигнорировать напоминание вредного белоголового недоразумения, но мысль о том, что седьмого числа родился ещё и Хара, заставила их отказаться от этой заманчивой идеи.

Старший из близнецов пользовался в колледже всеобщей любовью, выгодно отличаясь от своего несносного брата. По крайней мере, когда Утахимэ в сердцах клеймила Сатору и Сугуру последними подонками, имя Хары из этого позорного списка исключалось автоматически.

— Хара-кун — просто ангел! Настоящее чудо! — любила повторять она при каждом удобном случае. — Всегда такой вежливый, уважительный, не то что эта несносная скотина Сатору! Единственный его недостаток — это слепая, фанатичная любовь к брату. Ну что он нашёл в этом придурке, ума не приложу!

Впрочем, высказать всё это самому Харе в лицо Утахимэ не решалась. Своими мыслями она делилась исключительно с Сёко и Мэй-Мэй во время девичьих посиделок.

— Он ведь такой милый и дружелюбный, — рассуждала вслух Утахимэ, хмуря брови. — Но стоит мне при нём заикнуться о выходках Сатору, как внутри всё так и сжимается. Наверное, дело в этой его одержимости. У него на Сатору такой мощный фильтр стоит, что любая критика покажется личным оскорблением.

Мэй-Мэй, успевшая провернуть с Харой немало прибыльных сделок под щедрый процент, лишь загадочно улыбалась в такие моменты:

— Твоё чутьё тебя не подводит, Утахимэ. Рядом с ним действительно лучше помалкивать о грехах его драгоценного близнеца.

Мэй-Мэй слишком хорошо знала, что за маской идеального вежливого мальчика скрывается совсем не тот безобидный добряк, каким его привыкли видеть в школьных коридорах.

Но так или иначе, Хару обожали все. И теперь, после нескромного напоминания Сатору, компания невольно озадачилась вопросом: что же подарить близнецам через месяц?

Самому Харе было глубоко плевать на собственный день рождения, однако этот день принадлежал и Сатору, а значит, статус праздника автоматически возводился в ранг абсолютного приоритета. Подарок для младшего близнеца он подготовил загодя — безупречный, тщательно продуманный сюрприз уже ждал своего часа.

В душе Хары теплилось приятное предвкушение. Раз уж Сатору сам заговорил об этой дате, значит, он тоже, верный давней привычке, приготовил для старшего брата ответный дар.

Интересно, чем порадует его непоседливый близнец на этот раз?

Хара волевым усилием подавил искушение разузнать всё заранее и не стал привлекать свои информационные каналы. Хотелось сохранить интригу и ощутить чистую радость удивления седьмого декабря.

Чтобы время шло быстрее, а любопытство не изводило душу, Хара с головой ушел в работу и научные изыскания. Свободные от миссий часы он теперь целиком посвящал теоретическим исследованиям.

Его главным увлечением стали барьерные техники и природа древних проклятий.

Сама судьба предоставила ему идеальную лабораторию: прямо под фундаментом Токийского магического колледжа располагался Звёздный дворец — обитель бессмертного владыки Тэнгэна. Территорию учебного заведения защищал колоссальный по своей сложности Барьер Тэнгэна, который служил Харе неисчерпаемым источником практических знаний.

Что касается проклятий, Харой двигал вполне конкретный мотив — спасение Эри, супруги Тодзи Фусигуро. Зловещая печать, наложенная на неё неизвестным врагом, медленно выпивала из женщины жизнь, и та до сих пор держалась на этом свете исключительно благодаря регулярным сеансам обратной проклятой техники Хары, который каждые полгода щедро делился с ней жизненной силой.

Таинственный кукловод, сотворивший это злодеяние, залёг на дно, и надеяться на его поимку и скорую смерть ради автоматического рассеивания чар было глупо. Единственным выходом оставалось изучить структуру самого проклятия и взломать его изнутри.

Поначалу Хара блуждал в потёмках, но за два года упорного анализа обрёл глубокое понимание сложнейших проклятых плетений. Теперь его смело можно было назвать экспертом. Он набросал несколько многообещающих схем для нейтрализации вампирской печати Эри, но излишний риск был неуместен, поэтому с практической реализацией он не спешил.

Жизни женщины пока ничто не угрожало, и действовать следовало наверняка. Хара прекрасно понимал: допусти он хоть малейшую оплошность, способную навредить Эри, Тодзи окончательно слетит с катушек и превратится в неуправляемое чудовище.

Отсутствие спешки и здоровый пофигизм парадоксальным образом стимулировали работу мозга. Когда разум освободился от тисков тревоги, идеи посыпались одна за другой.

К концу ноября Хара наконец сформулировал изящное и максимально безопасное решение. Даже в случае полной неудачи разработанный метод не нёс в себе никакой угрозы для хрупкого здоровья пациентки.

Пора было переходить от теории к практике. Хара принял решение навестить семейство Фусигуро.

Чем ближе была заветная дата, тем пристальнее Сатору следил за каждым шагом старшего брата. Заметив, что Хара собрался уходить, младший тут же набрал номер их вспомогательного управляющего, Ямаситы Рина. Убедившись, что никаких заданий на сегодня не запланировано, он догнал близнеца у самого выхода:

— Эй, братец, колись! Заданий у тебя нет, так куда ты намылился? Неужели за подарком для меня? До днюхи-то всего ничего осталось, неужто спохватился в последний момент?

Хара не стал напускать таинственности:

— У жены одного из моих людей очень неприятная печать, наложенная проклятым магом. Каждые полгода мне приходится подпитывать её Обратной проклятой техникой, чтобы она не угасла. Недавно я нашел способ полностью разрушить структуру этого проклятия и сейчас хочу опробовать его на практике.

Между братьями вообще редко существовали секреты. Просто Сатору никогда не вникал в теневые финансовые дела и кадровые игры старшего брата, а тот, в свою очередь, не утомлял его скучными подробностями. Но раз уж сегодня младший проявил любопытство, Хара ответил предельно откровенно.

Глаза Сатору азартно блеснули:

— О, проклятый паразит, питающийся чужой витальностью? Любопытно! Я иду с тобой, хочу на это взглянуть.

— Идём, — легко согласился Хара.

Вопрос вежливости его не заботил от слова совсем. Он шёл спасать любимую женщину Тодзи, так что наёмник должен был молиться на него, даже если бы Хара притащил с собой целый табор. Какое право имел этот громила выказывать недовольство?

К тому же Хара воспринимал близнеца как продолжение самого себя. Они были единым целым, и разницы между визитом одного из них или обоих попросту не существовало.

Пара мгновений — и пространственная техника перенесла братьев прямо к порогу дома Фусигуро.

Хара негромко постучал. Изнутри донеслось торопливое, дробное шлёпанье маленьких ножек. Шаги замерли у двери, послышался щелчок замка, и створка медленно поползла внутрь.

Сатору уставился на открывшийся проём, но никого не обнаружил на уровне глаз. Опустив взгляд к самому полу, он наткнулся на умильное зрелище: перед ними стоял крошечный, пухлый малыш с уморительно растрепанной причёской, напоминающей колючки морского ежа.

Карапуз перевёл взгляд с одного гостя на другого и мгновенно опознал знакомого мага. На его пухлых щёчках заиграла робкая улыбка:

— Братик Хара!

Старший близнец присел на корточки, ласково погладив мальчика по непослушным вихрам:

— Доброе утро, Мэгуми. Познакомься, это мой младший брат, Сатору. Можешь звать его братиком Сатору.

Двухлетний Мэгуми рос удивительно ласковым и очаровательным ребёнком. Окружённый нежностью матери и пусть суровой, но искренней заботой отца, он доверчиво относился к людям и улыбался так тепло, что у любого невольно таяло сердце.

Кроха послушно задрал голову и, вглядываясь в лицо нового гостя, так похожего на любимого «братика Хару», расплылся в широкой улыбке:

— Братик Сатору, доброе утло!

Сатору сдвинул тёмные очки на кончик носа, явив миру свои сияющие лазурью глаза, и назидательно сощурился:

— Так, малец, слушать сюда. «Братиком Сатору» меня звать можно. А вот его величать «братиком» я тебе запрещаю. Запомни: называть его братом имею право только я!

От этой тирады у бедного Мэгуми голова пошла кругом. На пухлой сонной мордашке отразилось крайнее недоумение.

Не успел Сатору продолжить психологическую атаку на двухлетнего ребёнка, как над малюткой выросла грозная тень. На пороге возник исполинского сложения мужчина. Тодзи Фусигуро, одно присутствие которого так и веяло первобытной, опасной мощью, стоял перед ними... в кухонном фартуке с глупыми медвежатами и с тефлоновой лопаткой в руке.

— Чего застряли на пороге? — хмуро буркнул он, одарив гостей неласковым взглядом. — Весь

тёплый воздух из дома выстудите.

Вид грозного «Убийцы магов», переквалифицировавшегося в прилежного домохозяина, настолько потряс Сатору, что его Шесть Глаз едва не вылезли из орбит от изумления.

— Погоди-ка, — шепнул он брату, не сводя взгляда с наёмника. — Это и есть тот самый легендарный киллер?

Хара приобнял брата за плечи и увлёк за собой в прихожую. Тяжёлая дверь захлопнулась, отсекая промозглый ноябрьский ветер.

— Он самый. Правда, теперь он остепенился, взял фамилию жены и зовётся Тодзи Фусигуро.

В памяти Сатору всплыл смутный эпизод двухлетней давности, когда этот тип бесцеремонно подошёл к ним, стоявшим в очереди за пирожными. Пазл наконец сложился: безжалостный убийца магов теперь действительно гнул спину на его старшего брата.

Он вновь скосил глаза на малыша, преданно семенившего за Харой. Несмотря на забавную вихрястую шевелюру, в разрезе глаз и линии подбородка без труда угадывалась порода отца.

«Точно его отпрыск, к гадалке не ходи», — мысленно хмыкнул Сатору.

Тодзи проигнорировал присутствие незваного гостя. Весь его мир сейчас вращался вокруг Хары — точнее, его уникального дара.

— Эри спит, — глухо произнес наёмник. — Из-за холодов и вечной нехватки сил она опять умудрилась подхватить простуду.

Если бы не строгий полугодовой регламент и упрямство самой Эри, запрещавшей дёргать молодого господина по пустякам, Тодзи оборвал бы Харе телефон в первую же секунду, как у жены поднялась температура.

Хару колючий тон подчинённого ничуть не задел. Он прекрасно знал, что этот человек — эгоистичный мерзавец, для которого во всей вселенной имела значение лишь одна женщина. Ни о какой искренней преданности работодателю речи не шло: чистый прагматизм и взаимовыгодный обмен.

— Я закончил расчёты новой формулы снятия печати, — спокойно заговорил Хара. — Сегодня мы попробуем раз и навсегда уничтожить ядро проклятия. Не переживай: даже если плетение не поддастся, вреда это не причинит. В худшем случае всё останется как есть.

Тодзи вперил в юношу тяжелый, сканирующий взгляд. Убедившись, что тот не лжёт и

полностью уверен в своих словах, он едва заметно кивнул, соглашаясь на процедуру.

Наёмник удалился на кухню, избавился от лопатки и направился в спальню. Мэгуми, до этого крутившийся возле Хары, тут же переключил внимание и забавно заковылял следом за отцом, стараясь копировать его широкий шаг.

Тодзи чуть не наступил на собственное чадо. Чертыхнувшись, он нагнулся, одним движением сгрёб карапуза в охапку и устроил его на своём могучем плече, словно невесомую игрушку. Вместе они тихо приоткрыли дверь в полумрак спальни.

— Папа, — шепнул малыш, глядя на спящую маму, — братик Хара вылечит её?

Отец лишь молча прижал сына к себе и кивнул. На личике Мэгуми расцвело облегчение.

Малыш в силу возраста мало что понимал в магии и проклятиях. Но в его детском сознании прочно укрепилась связь: когда маме становилось совсем худо, на пороге появлялся красивый длинноволосый юноша, и боль чудесным образом отступала. Он обожал Хару всей душой, хотя видел его от силы четыре раза в жизни. Для крохи этот приход означал одно — мама снова будет улыбаться и играть с ним.

Мужчина заботливо поправил одеяло на плечах жены, бесшумно выскользнул в коридор и обратился к Харе:

— Она крепко спит. Твоё вмешательство требует её бодрствования?

— Вовсе нет, — отозвался Хара. — Сон даже облегчит процесс. Начнем прямо сейчас.

Тодзи отступил, пропуская братьев в комнату. Первое, на что Хара обратил внимание при входе — семейный портрет в простой деревянной рамке над изголовьем кровати.

На снимке Тодзи прижимал к себе сияющую от счастья Эри. Его жесткий взгляд смягчался теплотой, когда он смотрел на супругу. Другой рукой Эри бережно сжимала крохотную ладошку Мэгуми, который уютно устроился на мощном отцовском плече. Из-за забавных растрепанных волос мальчик на фото действительно походил на крошечного колючего ежонка.

«Надо же, — с иронией подумал Хара. — Грозный наемник обрел свое тихое семейное пристанище».

Страхнув мимолетные мысли, он приблизился к постели. Его взгляд сфокусировался на лбу спящей женщины. Там, скрытый от глаз обывателей, тускло мерцал зловещий, уродливый узор — отпечаток проклятия, пустившего глубокие корни в её телесную оболочку.

Сатору подошел ближе. Его Шесть Глаз мгновенно деконструировали структуру аномалии.

— Хм, какая странная конфигурация, — протянул он. — Что это за плетение?

— Эта дрянь постоянно вытягивает витальность хозяина, — объяснил Хара, зависнув ладонью над лицом Эри. Тончайшие нити его проклятой энергии устремились под кожу женщины, начиная кропотливую хирургическую работу по нейтрализации чужеродной структуры. — Обратная проклятая техника лишь временно затыкала брешь в сосуде. Сейчас я наложу компенсирующую печать обратного действия, которая буквально сотрет этот вредоносный узор.

Лишенный способности видеть проклятую энергию Тодзи замер рядом, судорожно вглядываясь в лицо жены. Ему оставалось лишь гадать, что происходит под её кожей, и молиться о благополучном исходе.

Противоборство двух мощных сил отозвалось лихорадкой. Эри заметалась по подушке, её дыхание стало прерывистым, а на лбу выступила холодная испарина. Наблюдая за страданиями любимой, Тодзи сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Если бы не остатки здравого смысла, он бы уже оттащил мага от постели.

«Неужели не видишь, как ей больно, ублюдок?» — яростно звенело в его голове.

Но наёмник лишь крепче стиснул зубы, сдерживая рвущиеся наружу проклятия.

Спустя тридцать томительных минут Хара наконец опустил руку и глубоко вздохнул:

— Всё. Паразит уничтожен. Печать развеялась.

Сатору удовлетворенно кивнул, подтверждая: Шесть Глаз больше не фиксировали ни единого следа проклятой скверны.

В порыве бурной радости Тодзи бесцеремонно спихнул сонного сына прямо в руки Сатору, а сам коршуном бросился к кровати. Перехватив бледную ладонь Эри, он замер в ожидании, надеясь, что, открыв глаза, она первым же делом увидит его лицо.

Сатору, внезапно обнаруживший в своих объятиях притихшего «ежонка», растерянно захлопал ресницами:

— Эй! Ты что творишь, придурок? Он тебе родной сын или где? Что за привычка швыряться детьми?!

Хара, глядя на это семейное безумие, лишь покачал головой. Понимая, что наёмнику сейчас

явно не до гостей, он увлёк возмущающегося брата прочь из спальни.

Сатору поудобнее перехватил малыша и легонько подбросил его:

— Ну что, мелкий, твой папаша всегда тобой как мячиком бросается?

Мэгуми обиженно надул губы, и в его больших изумрудных глазках заблестели крупные слезы.

— Воу-воу, только реветь не вздумай! — запаниковал Сатору, строя грозную мину. — Заплачешь — я тебя сфотографирую и расклею эти позорные снимки по всему Токио! Будешь знать, как сырость разводить!

Кроха испуганно шмыгнул носом и из последних сил загнал слезы обратно.

Поняв, что нашел отличную забаву, Сатору принялся корчить рожицы, находя общение с маленьким ежонком на удивление весёлым занятием.

Хара с теплой улыбкой наблюдал за этой картиной. Брат балансировал на грани: то доводил бедного Мэгуми до слез, то на ходу придумывал нелепые угрозы, чтобы тот замолчал. В этот миг разница в возрасте между семнадцатилетним сильнейшим магом и двухлетним карапузом казалась совершенно неощутимой.

На Хару нахлынули воспоминания. Когда-то, в далеком детстве, они с Сатору были точно такими же крохами. В душных, пропитанных условностями стенах Клана Годжо маленький Сатору позволял себе капризничать и смеяться только наедине с ним, старшим братом. Для остальных же старейшин и слуг он всегда оставался безупречным, ледяным божеством, лишенным человеческих слабостей.

Именно тогда, ощутив эту абсолютную, безраздельную исключительность своего положения, Хара понял: он никогда и ни за что не отпустит своего драгоценного близнеца.

— Эй, Хара, — голос брата вернул его к реальности. — Если ты снял эту гадость с госпожи Фусигуро, её создатель ведь наверняка это почует?

— Исключено, — покачал головой Хара, окончательно стряхивая ностальгию. — Проклятый маг, наложивший проклятие, оборвал с ним всякую ментальную связь сразу после ритуала. Будь иначе, я бы давно выследил эту крысу по остаточному следу силы. Так что теперь, когда печать уничтожена, он даже ничего не почувствует.

Обычно мастера проклятий всегда улавливают момент гибели своих творений. Однако в данном случае таинственный кукловод проявил избыточную осторожность, полностью заблокировав обратный резонанс. Парадоксально, но именно это малодушие помогло ему остаться нераскрытым — и лишило возможности узнать о провале своего плана.

<http://bllate.org/book/19549/2004317>